Б. ЩЕРБАКОВ

ВЛАСТЕЛИН ПУСТЫНИ

Седьмой день по раскаленной песчаной пустыне брел обессилевший путник под выцветшим от зноя небом. Брел, вспоминая своих соплеменников и тот час, когда, мучимые жаждой и усталостью, остановились они посреди нескончаемых песков.

Лишь он один и мог выдержать это странствие, потому и обратился к нему старейший:

— Ты видишь сам, Ахмет,— сказал иссохший высокий старик,— старики и женщины выбились из сил. Дети наши умирают. Один-единственный верблюд остался, один-единственный кувшин воды... Да ты сам знаешь... и видишь. Ты молод, Ахмет, силен. Нам повезло, что ты остался живым: возьми хурджун с лепешками, горсть фиников возьми, половину воды отдаем тебе... иди на поиски. Всемогущий аллах поможет тебе отыскать благодатный оазис — и тогда мы спасены. Иначе, если уцелели под копьями врагов, разграбивших селение,— погибнем от жажды. Мы верим в тебя, Ахмет... Только от тебя теперь зависит наша жизнь...

Седьмой день идет Ахмет. Пески не кончаются. Желтым морем застыли они от горизонта до горизонта. И ни конца ни края им. Только исступляющий зной да мучительная жажда, а силы уже иссякли.

Ахмет огляделся. Вдали, возвышаясь над остальными, желтел большой бархан. «Поднимусь, возможно, с него увижу что-нибудь. Может, милостивый аллах подвел меня к оазису, да не видно его...» С трудом он добрел до этого заметного бархана. Но уже не хватало сил, а надо было подняться.

Каждый раз, как только он пытался забраться на бархан, песок желтыми ручьями стекал с вершины, и обессилевший Ахмет скатывался, обжигая ладони и лицо о раскаленный песок. Но он полз и полз вверх. Песок хрустел на зубах и горячим дыханием обдавал побелев-

шие в жажде губы. Желтая лавина в любой момент грозила засыпать с головой. Но Ахмет заставлял себя снова и снова начинать путь наверх.

Ему нужно было забраться на вершину во что бы то ни стало. Ему нужно было отыскать воду, которая спасет людей. Если он не найдет воду — засохнет и сам... как вот этот жук-скарабей, что валяется на песке, уже отбеленный солнцем и ветром. И людей, что надеются и ждут, тоже размечет ветер. Он даже боялся вымолвить слово «вода», чтобы не спугнуть удачу.

И Ахмет все же забрался на этот бархан — такой высокий и такой желтый... Выцветшими глазами обводил Ахмет все то же пепельное от зноя небо и дымящийся в зное горизонт. Оазиса не было. Только шуршали голые пески да звенело раскаленное добела солнце.

Ахмет рухнул на желтый песок. Вода в хурджуне давно кончилась, непонятно, зачем было тащить пустой хурджун. «Что делать? Куда еще идти?»— плыла в голове ленивая мысль.

И вдруг в полной гнетущей тишине заиграл одинокий вихрь. Он рос на глазах, и вот уже желтый песчаный столб, как живой, извиваясь, вдруг стал укорачиваться, пока не обратился в песчаное веретено.

И перед Ахметом с визгливым хихиканьем, натужным покашливанием и радостным чиханием появился... да-да... песчаный человек.

Был человечек не больше старинного семейного самовара, такой же дутый и толстый, так что тело его походило и на жабье: точь-в-точь жабий дутый живот и такие же тонкие ножки.

— Я есть, есть!.. Тебе вовсе... не кажется!— сквозь смех и покашливанье слышалось Ахмету.

Человечек трясся еще некоторое время, чихал, а с него, как из дырявого мешка, осыпался золотистый песок. У этого странного на вид человека от смеха тряслись длинные ковыльные усы и такая же борода. И не было бы на свете добродушнее существа, но увидел Ахмет желтые, почти такие же глаза, как у совы, и такой же тонкий крючковатый нос. И, несмотря на хохот, очень похожий на подвывания ветра, взгляд этих глаз был недобрым. Несуразный человек то и дело поправлял на песчаной голове янтарную, налитую солнечным светом корону и, поднимая тонкий сухой палец, говорил:

— Тебя приветствует, дорогой путник, как ты сам

видишь, великий из великих в своей золотой безмерной стране! В безмерности ее ты имел возможность убедиться. Тебе повезло: редко кому удается встретиться с владыкой этого прекрасного края солнца, зноя и неба без туч, этого восхитительного сыпучего моря. Это я!— он учтиво разгладил свои длинные вислые усы и, казалось, даже шаркнул своей лягушачьей ножкой в легком поклоне.— Мне вдруг захотелось помочь тебе, отважный путник, ты так упорно взбирался на мой бархан и ведь поднялся-таки.— Он строго глянул на Ахмета и добавил:— Не знаю почему, но ты мне нравишься! Я давно слежу за тобой, другой давно устал бы и покорился...

— Чем же ты можешь помочь, дух пустыни? На тебя самого-то — только дунь и рассыпешься.

Ахмет и сам еле расслышал свои слова — так высушил зной горло. «Нельзя мне так слабеть,— мелькнула мысль,— какое только чучело не привидится от жажды...»

— Как я понимаю тебя,— снова зашелестел голос, и Ахмет открыл глаза.— Но ты верь глазам своим — тебе повезло, я не привиделся. Я — есть. Мало кому так повезло: я милостив к погибающим в моих песках и вместо себя даю им увидеть самое желанное — воду и трепет листвы... Мираж, так ведь вы зовете это? Я милостив!

Ахмет протер глаза, с трудом разомкнул спекшиеся губы, чтобы шепнуть, а может быть, подумать: «Как же имя твое, я не слыхал...»

— Зовут меня, кажется, Хан-Бархан-Нур-Бабур-Али-Шаш!

— Почему же —«кажется»? Каждый знает имя свое...

— Представь, путник, забывается, если долго не слышишь зова. К-хи, к-ха-ха! Тысячи две моих пустынных лет мне не с кем было говорить, а годы здесь медленные. И редко кому достанет сил добрести до моего золотого бархана: мои волны, как и в море, движутся ветром — ах, какой горячий ветер захлестывает людей в моем море!— и песочный властелин даже закатил желтые глаза, будто слушал гуденье и звон песка под ветром.

— Какое же это море, если глотка воды не найти,— выдохнул Ахмет,— ненужная земля..

— В море ведь тоже гибнут от жажды,— напомнил Хан-Бархан.— А из моих волн и вовсе не выбраться, если я не позволю: ты видел немало белых костей... И тебя ждала та же участь, только — я говорил тебе — ты мне понравился. Теперь ты мой гость. И я развлеку тебя!

Ахмет и придумать ответ не успел, как Бархан-Шаш стремительно закрутился перед ним, вырастая в смерчевой песчаный столб. Вот он замер на секунду, и откуда-то сверху послышался его голос, усиленный диким и грозным ревом внезапного ветра.

— Саму-ум!

От хохота властелина задрожали и задымились вершины спящих вокруг барханов. Словно с проснувшихся вулканов, поднялись и потекли с них струи и ручьи песка. Смех перешел в какой-то жуткий восторженный визг, и уже тучи секущего лицо песка неслись по воздуху, забивая Ахмету глаза. Вовсе нечем стало дышать, Ахмет сжался в комок, закрыл голову халатом и прильнул к бархану. «Конец мне,— решил он.— Но как же люди... Разве смогут они, ослабевшие, устоять против самого страшного ветра пустыни, который дует много дней подряд. И горе тем, кого застигнет самум под открытым небом, человек это или зверь...»

— Ах ты, бездушный песчаный урод!— Но не его голосу было перебороть рев ветра и визгливый, как вой шакала, хохот властелина.

Однако самум улегся так же внезапно, как начался. Только тихий песок рябил успокаивающимися струями спины барханов.

— У каждого владыки есть своя сила и свои чудеса. Все семь я могу показать тебе,— услышал Ахмет тот же голос и снова увидел песчаного человечка перед собой. Хан-Бархан вновь поднял желтый палец:— Я и пошутить люблю, смотри. Зыбу-ун!

Меж барханами легко мчался табунок быстроногих газелей. Казалось, будто летят газели на невидимых крыльях. Еще миг и они скроются.

Но вслед за словом Бархан-Шаша, словно глубокая вода оказалась у них под копытами: животные увязали в песке, что есть силы отчаянно бились, стремясь вырваться из вязкого желтого болота. Страх застыл в их прекрасных глазах отчаяньем, а тела все погружались в коварную сыпучую трясину. И чем больше усилий вырваться прилагали газели, тем глубже погружались они в текучий песок, тем хладнокровнее сжималась вокруг них пустыня, подобная желтому спруту.

Гневно повернулся Ахмет к смеющемуся хозяину этих равнодушных пространств. И Хан-Бархан нехотя и медленно опустил свой колдующий палец.

Газели сразу почувствовали опору, выскочили из страшного зыбуна и стремительно скрылись.

— Это и есть мои знаменитые зыбучие пески. Никому не выбраться из них, если я не захочу этого! Теперь-то ты веришь, что я — Хан-Бархан-Нур-Бабур-Али-Шаш — настоящий властелин этой чудесной страны?! И, представь, я сегодня рад встрече с тобой; как обещал, я покажу тебе, мой путник и гость, все семь моих чудес. Все подряд!— хохот словно ввинчивался в небо, Бархан-Шаш то обращался в завихренный песчаный столб, то снова становился несуразной песчаной жабой в короне.

И перед обессиленным зноем и неизвестностью Ахметом, будто в горячечном бреду, замелькали видения, которые — словно происходило это в громадном цветном балагане — обозначал, визгливо выкрикивая, возбужденный хозяин пустыни.

— До-ождь! Кто же не ждет дождя? Ха-ха-ха!

В расплавленном небе густело маленькое облачко, наливалось чернотой, закрывало солнце, извергалось ливнем воды. Но напрасно Ахмет подставлял лодочку ладоней: тот ливень, едва долетев до песка, мгновенно обращался в светлый пар...

И здесь же налетели и столкнулись ураганные ветры-вихри, которые были подобны Али-Шашу и тоже ввинчивались в небо ревущими песчаными столбами. Становилось совсем темно — это песочные шлифы в полнеба закрывали солнце, а столбы песка, закрученные в тугие извивающиеся жгуты, текли в небо.

— Сме-ерч! Ха-а, смотри на мой дождь. Дождь пустыни!

И с неба сухим потоком лился песок, мертвое шуршание его наполняло ужасом и безысходностью, казалось — эти песчаные ливни захлестнут собой весь мир...

Но страшный дождь прекращался так же внезапно. А на смену ему среди однообразной желтизны барханов являлось озеро, осененное пальмами, и чудесная зелень оазиса. Знакомые места вдруг увидел Ахмет, совсем рядом, близко; но горечью дохнуло на человека от той зелени и той воды — сожженные и разграбленные дома без людей, мертвые очаги. «Фата-Моргана-а! Мираж!»— эхом звенел в голове чужой голос, а на смену знакомым местам выплывал белокаменный город на берегу синей воды, по которой скользили лодки, над которой шептались сады, где в тени деревьев отдыхали счастливые лю-

ди. Еще больше кружилась голова путника, еще сильнее распухал непослушный язык.

Вот довольный Бархан-Шаш завороженно взглянул в ту сторону, откуда пришел Ахмет. И выплыли среди раскаленного песка другие люди, которых узнал Ахмет: люди бессильно лежали в тени одинокого тощего, с опавшими горбами, верблюда, они еще ждали, ждали...

— Как легко увидеть все, что делается за тридевять земель! Как просто заманить этих людей в самую глубь моих песков — лишь покажи им эту никчемно мокрую воду... Что мне до того, если они не могут без воды — я-то управляю зноем, песками и ве-етром! Вот так, так!..

И Хан-Бархан вновь хихикнул, хлопнул в ладоши, закрутился на месте и вскинул палец: «Хан-Бархан-Али-Шаш! Хан-Бархан! Бархан-Шаш! Никто не нужен ему! Только с ветром песок!..» Он махал и махал все растущими песчаными руками, и взгляд его темнел, и хохот становился все глуше и тревожней. Или это опять показалось Ахмету — не очень веселым был тот хохот... Но он не успел поймать эту случайную догадку, как бархан, на котором они находились, задрожал, зашевелился, как живой, и тревожно загудел.

Сначала это были глухие глубинные звуки, скоро они выросли до какого-то звериного рева. Желтыми змеями заструились песчаные ручьи по бокам самого высокого золотого бархана. А властелин его неожиданно упал на колени и принялся бешено колотить кулаками по бархану, будто выбивая из него пыль: «Да, я могуч и мне весело! Вот еще нам забава — Сирок-ко-о!»

Тысячью медных труб гудел и ревел желтый высокий бархан. Тонко и протяжно подвывали ему вздыбившиеся песчаные вихри. Удушливый ветер — сирокко — поднял тучи песка и снова затмил небо. И песчаными драконами кружились в диком танце черные смерчи. А Бархан-Шаш подпрыгивал и крутился среди них, и закатывал совиные глаза, и тряс растрепанной бородой. А смерчи сшибались, изгибались, ввинчивались в небо и распадались на темные тучи, чтобы вновь сомкнуться над ним.

Но очень скоро их властелин рухнул в изнеможении на песок и все затихло. На этот раз Ахмет так быстро пришел в себя от ужасной игры ветров и песка, что успел заметить внимательный взгляд Бархана-Али-Шаша, или как там его называть, на себе.

— Молчишь, друг мой? А я думаю, что ты доволен

моими чудесами, мы славно с тобой повеселились, правда?!

— Ты видел тех людей около одинокого верблюда, властелин,— Ахмет прижал к груди руки и стал на колени.— Возьми...

— Твоя жизнь и так у меня в руках, Ахмет! Ты все время думал о них, а я так старался, чтобы тебе со мной было весело!.. А седьмое чудо ты уже видишь!

Ахмет огляделся, но пустыня застыла в неподвижном зное.

— Не видишь...— песчаный человечек снова уменьшился до размеров самовара, и смех его уже не сотрясал пески и воздух.— Быстро вы к чудесам привыкаете, люди. Так что, я для тебя уже не чудо? Я вечен, как это безоблачное небо. Вечен — как это золотое море песка. И власть моя здесь вечна!

Властелин пустыни вдруг замолчал, и Ахмет увидел, что голова Хана-Бархана опустилась на грудь, и глаза совсем по-стариковски прикрылись тяжелыми веками, и голос совсем упал, повторяя: «Вечен».

— А я не смог бы жить в таком одиночестве, да еще вечность,— невольно вырвалось у Ахмета.

— Вот видишь, как я прав, что признал тебя гостем и другом!— почти прошептал Бархан-Шаш и опустился на бархан рядом с человеком.— Все чаще последнее время мне хочется просто сидеть на этом желтом высоком бархане, когда подходит вечер и солнце завершает свой дневной путь, а путь каравана только начинается. И протяжная песня караван-баши медленно летит над песками, и вплетается в ту песню грустный перезвон бронзовых колокольцев на шеях верблюдов. Ты прав, друг мой, я совсем одинок в этом мире...

— Ты уловил мою тоску,— продолжал песчаный властелин.— Если уж я для тебя перестал быть чудом, то другое чудо мне захотелось подарить тебе. Возьми их...

Хан-Бархан вынул из-за пазухи и протянул Ахмету небольшие алмазные часы; древние, наверное, это были часы: многочисленные грани двух маленьких колбочек, соединенных между собой тонкими горлышками, были вышлифованы так, что и пылинке не удержаться на их поверхности. Сколько же песка должно было перелиться из колбочки в колбочку, чтобы так отшлифовать алмаз, сколько времени надо...

— Я вечен, Ахмет. Если все пески моей пустыни,—

продолжал Хан-Бархан,— пропустить через эти часы, лишь тогда умру и я. На это надо многие миллионы лет. Но и они имеют предел: поэтому до сегодняшнего дня прятал я часы в этом самом красивом, самом высоком и желтом бархане. Я дарю их тебе, как дорогому гостю и другу: пусти в них песчаную струйку, и потечет вместе с песком твое время — многие-многие миллионы лет. Я же с этой минуты проживу ровно столько же — вместе с тобой.

— Зачем же, владыка, ты лишаешь себя вечности? И нужна ли она мне — человеку простому и смертному? Человеку, которому больно от боли других и страшно остаться одному... Там...— Ахмет вновь повернулся туда, откуда он пришел и где ждали его помощи.

— О них можешь не беспокоиться: и ты, и твои люди выберетесь отсюда. А мне нужен друг, я понял, как тоскливы могут быть эти миллионы лет в одиночестве. И ты будешь этим другом — время будет течь в этих часах для нас двоих!

И Ахмет взял часы. В них уже струился песок. А когда он спрятал часы под халатом, над барханом взметнулся песчаный вихрь. Властелин барханов исчез. Зато на горизонте увидел Ахмет оазис, и путник знал теперь, что это не мираж. Его люди тоже спасены!

Но прошло совсем немного времени — месяцев ли, лет... не разобрать теперь Ахмету. Вот разве что по сверстникам удавалось определить — пожилыми становились его одногодки, уж и маленькие дети, из тех, кого он с матерями вывел к воде, возмужали. И старше его теперь смотрелись... Вглядывался Ахмет бессонными ночами в зеркало родниковой запруды, что дала новую жизнь их селу. И видел Ахмет себя неизменяемого — такого же молодого, каким встретил он властелина пустыни. Конечно — что такое десять или сто лет для того, у кого миллионы в запасе, даже морщины не появятся...

Нашел Ахмет тот самый желтый и самый высокий бархан, поднялся на его вершину и осторожно положил на песок алмазные часы. Тотчас из вихря явился ему Хан-Бархан.

— Ты обиделся на что-нибудь, друг мой? Ты отказываешься от подарка — значит, не хочешь вечности, почему же?

— Прости меня, я не хочу тебя обидеть,— склонил Ахмет голову.— Мне нужно жить, как все живут — сколь-

ко отпущено. Уже сейчас я теряю друзей и близких, а через сотни... тысячи поколений? Остаться чужим, одному... среди людей — как в пустыне, это ужасно!

— Что ж, будь по-твоему. А мне так хотелось видеть в тебе друга. Прощай, Ахмет!— И Хан-Бархан пропал мгновенно, только ослепительно желтый песок рябью пошел по склону золотой волны пустынного моря.

...Десять ли лет, сто прошло — что человеческие годы для вечного властелина пустыни! Только по-прежнему высился, подобный девятому морскому валу, тот желтый огромный бархан, с которого видна была вся пустыня. Хан-Бархан-Абу-Бабур-Али-Шаш тихо шептал свое имя, чтобы не забыть его, и провожал взглядом солнце, уходящее на покой. И обрадовался одинокому звону бронзового колокольчика — еще один караван входил в его владения, становился подвластен его любому капризу...

Караван-баши был стар и сед, но Хан-Бархан узнал его. Для порядка дохнул горячим ветром властелин пустыни на караван, пусть помнят — кто здесь хозяин. Но караван и сам остановился, а к бархану пешком пришел старый караван-баши.

— Ты напрасно отказался от моих часов, Ахмет,— приветствовал гостя Хан-Бархан.— Немного осталось у тебя дней. А ты все не успокоишься: почему не сидишь у того родника, который спас твоих людей?

— Приветствую тебя, властелин! Стареют люди, а не их дела — вот я и вновь прихожу к этому бархану. Разве тем родником напоишь всех людей? А вот теперь я веду особый караван: следом за ним сюда придет много воды... и людей будет много — тебе ведь хотелось иметь друзей? Уж что-что, а скучно тебе здесь не будет, Хан-Бархан-Абу-Бабур-Али-Шаш!— и старый Ахмет засмеялся совсем молодо и беззаботно, потому что следом за его верблюдом в пустыню продвигался голубой канал, а по берегам его вырастали новые селения.

— И ты не жалеешь о вечности?!— спросил древний песчаный человечек, выпрямляясь и вырастая над старым Ахметом в завихренный песчаный столб.

— Что́ человек для вечности, властелин? Зато вот дело его может быть вечным... или стремиться к тому! Разве я оказался плохим другом?— Ахмет махнул рукой песчаному облаку, что уходило в глубь пустыни, и вернулся к своему каравану.